

**Philip
Hensher**

the
friendly
ones

**Филип
Хеншер**

дружелюбные

Перевод с английского Анны Логиновой

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Х38

Серия «Великие романы»

Philip Hensher
THE FRIENDLY ONES

На обложке использована
картина Альберта Анкера (1831—1910)

Печатается с разрешения литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd и Andrew Nurnberg

Перевод с английского: *Анны Логиновой*

Copyright © Philip Hensher 2018
© Анна Логинова, перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Заведу Махмуду, конечно

Если бы жил я в пещере и виделся только с
тобой,

Что бы тебе сказал я из того, что узнал я от
стен?

Что человек недосоздан, что люди

Сотворены друг меж друга...

Джек Андервуд. Мгновение

Но в таком большом городе трудно выяс-
нить, что это за люди и что им от вас нужно.

Артур Конан Дойл. Собака Баскервиль

Книга первая

МАЛЕНЬКИЕ СПИНСТЕРЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

День клонился к закату; Аиша встала и подошла к окну, выходявшему в сад. Праздничное убранство появилось еще утром: под вязом поблескивала взятая напрокат красная печь для барбекю, на кустах висели гирлянды, а вдоль клумб выстроились фонарики. За оградой, стоя на стремянке, возился с фруктовым деревом пожилой человек. Он сгреб с газона белые опавшие лепестки, а теперь нашел себе занятие, позволяющее разглядеть соседей по-лучше. В комнате все еще распинаясь итальянец. А мать и отец слушали его.

— Вот как? — рассеянно спросила Назия.

Нет, не таким ей виделся будущий зять. Гость был лыс. Растянутые рукава старого коричневого свитера, напяленного прямо поверх нарядной одежды, свисали на грязные запястья. До вчерашнего вечера Аиша с охотой внимала ему и поддерживала беседу, но внезапно умолкла и потеряла всякий интерес, передав его родителям, точно домашнего питомца, о котором долго мечтала, но ухаживать за которым ей быстро надоело.

— У нас на Сицилии часто устраивают такие праздники,— вещал он в эту самую минуту,— но летом слишком жарко, чтобы есть днем. Мы ждем девяти или десяти часов вечера, а потом едим холодные блюда, чаще всего пасту. Мы не жарим мясо на улице, как вы.

Настала очередь для реплики Шарифа:

— Надо же!

В ветках вяза красиво, громко и протяжно запела птица — с вопросительной интонацией, словно желая разузнать что-то об этом саде. Где-то под ней солнечные лучи просачивались сквозь листву, оставляя солнечные пятна на газоне; нанятые помощники, одетые в униформу в белую полоску, тихо переговаривались с серьезным видом, как хирурги на операции.

Назия чувствовала, что они сделали для итальянского гостя дочери все, что могли. Пригласили его в лучший, по всеобщему мнению, итальянский ресторан в Шеффилде, где он подозрительно ковырял в тарелке и что-то рассказывал о сицилийской кухне. В субботу все вместе отправились смотреть окрестности города: Шариф заблудился, а старинная помещицья усадьба не произвела должного впечатления. Вчера вечером она приготовила настоящий бенгальский ужин, но Энрико не смог его есть, о чем и объявил. Сегодня утром Аиша собиралась прогуляться с ним по городу, однако теперь отменила эти планы. «Ну мам! — всплеснула девушка руками, когда после завтрака Назия спросила ее, скоро ли они отправятся в путь. — Не приставай. Хуже не придумаешь. Нам тут и с газетой неплохо».

В квадратном домике из красного кирпича они жили уже четыре месяца. Идеальный дом, как будто с детского рисунка: квадратный фасад, латунный дверной молоток, по бокам — окошки, справа и слева — дымоход. Под чутким руководством Назии входную дверь перекрасили из лилового в «имперский синий», кухню сделали более современной, убрали ковровое покрытие и заново отполировали паркет. Ванную комнату из цвета авокадо перекрасили в оттенки белого. Но новоселья пока не справляли.

Аиша уже несколько месяцев упоминала своего друга Энрико, сокурсника по Кембриджу — они вместе

получали степень магистра философии. Назия и Шариф решили: как бы дочь ни говорила о своем друге, доверительно или с вызовом, они с радостью его примут. Аиша сказала, что как-нибудь пригласит его на уик-энд. Прекрасная возможность позвать еще кучу гостей — насчет этого они не советовались с дочерью, поставив ее перед фактом. «Ох, мама, я тебя умоляю! — воскликнула та. — Зачем подвергать Энрико нашествию тетушек? Чтобы они замучили его болтовней про своих детишек? Представить не могу!» Но это было просто возражение, а не бунт и ультимативное хлопанье дверьми; вдобавок праздники любят все. Что бы они делали с Энрико, если бы у них не было законного предлога «посмотреть, как там дела с приготовлениями», Назие и вообразить трудно.

Итальянец, подаваясь вперед, точно желая сделать важное заявление, однако все так же разглагольствовал о своей родине:

— Мои родители всегда ездят в отпуск в августе. Вот уже сорок лет в одно и то же место, в Тоскане. На воды. Многие сицилийцы ездят в одно и то же время на воды. Так что у нас на Сицилии нет смысла устраивать посиделки в саду летом, в августе.

Казалось бы, итальянцы — красивый народ. Но вот сидит Энрико с бледными пухлыми руками, похожими на чищенные рыбины, с венчиком всклокоченных черных волос вокруг лысой макушки. И со своими сплюсненными, неправильными и приметными чертами лица выглядит сущим недоразумением. Назия знала: в зависимости от места и обстоятельств один и тот же человек может производить совершенно разное впечатление. Энрико, объясняющий Аише в прокуренных кафе и библиотеках туманного Кембриджа, как все устроено в мире и как сделать его лучше, вполне мог ей понравиться. На мгновение Назия представила: вот он, с лицом, выражающим абсолютную уверенность в собственной правоте, крошит в

пальцах кусочки кекса с цукатами над дымящейся чашкой чая и отправляет их в рот — а напротив, внимая, сидит Аиша. В воображении Назии у Энрико были шарф, коричневое пальто с капюшоном и шерстяные перчатки. Не тот человек, с которым можно вить семейное гнездо. Другое дело — слушать его речи во временном съемном обиталище с обоями, которые выбирала не ты. Публичный оратор, умеющий обильно и убедительно жестиковать. Аиша стояла у окна, совсем отрекшись от своего итальянца. Завтрашний разговор в поезде будет вялым и кислым.

— Это тоже на Сицилии? — вежливо уточнил Шариф.

— На Сицилии?! — переспросил Энрико с легким изумлением.

Точно не он только что говорил о Сицилии, точно затрагивать эту тему — вообще из ряда вон и чуть ли не дурновкусие.

— Ну, в том месте, о котором вы говорили. Куда ездят отдыхать ваши родители.

— Нет-нет,— поправил Энрико.— Я же сказал, что в Тоскане.

— Надо же,— сказал Шариф.

И не добавил ни слова, лишь улыбнулся. Как всегда, когда не особенно хотел продолжать разговор сам и предоставлял собеседнику право решать, что дальше. А мог бы и поведать, как два года назад они ездили в отпуск в Умбрию, где он научился говорить *Buon giorno*¹ и *Buona sera*². Энрико не заметил этого и пустился в разъяснения.

— А кто это там за забором? — спросила вдруг Аиша, не оборачиваясь.— Он уже целую вечность торчит на этой лестнице.

¹ Добрый день (*ит.*).

² Добрый вечер (*ит.*).

— Мы толком не общались с соседями,— пояснила Назия Энрико.—Здоровались, извинялись за строителей. Он ведь говорит с близнецами? У него такое странное имя, я даже и не запомнила.

— Это они с ним говорят,— ответила Аиша.— Пойду заберу их в дом.

— Аиша уже показывала вам сад? — поинтересовалась Назия.— Увы, садовники из нас никакие. Пришлось нанять человека. Приходит дважды в неделю. Но сад очень мил. Вы интересуетесь садоводством, Энрико?

Но Энрико не интересовался. А о саде своих родителей на Сицилии помнил только то, что там росли лимон и жасмин, который летом так сильно пахнул, что он не выдерживал и начинал чихать.

— О, жасмин! — Шариф сам призвал себя вернуться к разговору, что-то припоминая. Голос его звучал так ласково и напевно, что сердце Назии исполнилось любви к мужу. Но он снова умолк. Аиша вышла из комнаты и сразу же направилась через свежеподстриженную лужайку к близнецам, которые болтали с соседом через забор. Назия очень надеялась, что до завтрашнего поезда, на котором уезжали Аиша и Энрико, улучит несколько минут наедине с дочерью.

2

В этом доме они сумеют прожить до конца своих дней. В нем есть комнаты для всех троих детей и общая детская или вторая гостиная, которую можно отремонтировать собственноручно, пусть Аиша уже и не живет с ними.

— И сад такой милый,— заметила Назия, когда они отъезжали от дома, а агент по недвижимости радостно махал им, стоя возле своей машины.

— Садам надо заниматься,— ответил Шариф с такой интонацией, точно надеясь, что рано или поздно им с

женой самим захочется садовничать. — У твоего деда был очень красивый сад. Странно, что никому из вас не передалось его таланта.

— Нана не был садоводом. За садом ухаживал садовник — вот в чем все дело. Двенадцать клумб цветущих растений, а когда они отцветали, садовник их выдергивал. Не то что англичане, которые поливают сухие пруттики, надеясь на лучшее.

— Ну,— сказал Шариф,— кто бы ни ухаживал за садом, он был хорош.

— Сад твоего отца в Данмонди тоже был хорош, и, думаю, тоже из-за садовника. Надо бы и нам нанять.

— И повара, и дворецкого, и *хигматгара*¹.

— Хватит с нас и садовника,— урезонила Назия.

От открывшихся возможностей голова шла кругом. Оба они родились не здесь. Восточный Пакистан, Восточная Бенгалия, Бангладеш — на их памяти, когда они еще жили там и после этого, страна меняла имя несколько раз.

Широкая улица с могучими дубами по обе стороны казалась отличным местом для того, чтобы там поселиться. Назия, теперь уже беззаботно, вспомнила их первую квартиру над табачной лавкой, где они, тогда еще студенты, провели целую зиму. Казалось, они живут на дне морском, среди зеленых водорослей. По хлюпавшему под ногами ковру ползали чешуйницы, вся семья сбивалась к прокопченной керамической решетке газового камина, а Аиша, сопя, вдыхала и выдыхала влажный воздух, лежа в колыбели.

Кому-то их нынешняя жизнь показалась бы восхождением к горным высотам, триумфом, измеряемым в количестве квадратных метров. Назие же представлялось, что они с Шарифом мчатся во весь опор на хлипкой тележке,

¹ Слуга, подающий на стол, в Индии и сопредельных странах.

тормозя, лишь чтобы скатиться с дороги в мягкое вспаханное поле, да и остаться там, изумленно озираясь вокруг. Двадцать пять лет прошло.

Дома на улице пережили не одну перестройку и реставрацию. Они были старыми, с толстыми каменными стенами, и дом Назии и Шарифа получился отнюдь не самым экстравагантным. Им доводилось бывать в одном из соседних домов: пока они были на работе, привезли присланные из Дакки книги, и соседи напротив великодушно предложили занести их к ним. (Спасибо добрейшему брату Саму́, мужу золовки, мужниной сестры, который оставался в доме старика Хондкара.) По опыту они уже знали: некоторые из окружающих их людей всегда дружелюбны, а другие — нет. Обитатель соседнего дома говорил с ними всего несколько раз. Он любил возиться в саду: постоянно что-то подрезал, обрезал, стриг лужайку. У него был небольшой парник, пристроенный к кухонной стене дома; там он все время что-то подсаживал и пересаживал из горшка в горшок, пока на прошлой неделе не вынес растения и не высадил на клумбу. Он жил в доме Викторианской эпохи. Каменная кладка почернела от времени, как и столбики ворот, украшенные свирепыми зверями, стоящими на задних лапах: что это за звери — и не угадать из-за копоты и лишайников. На верхнем этаже дома была круглая башенка с зубцами в задней части и, наверное, круглым диванчиком-банкеткой внутри. До этой среды им казалось, что сосед живет один, но вдруг к дому подъехала скорая, и на носилках вынесли немолодую женщину с нечесаной седой копной. Странно, что все три или четыре раза, когда они переговаривались через забор, он ни разу не упоминал, что женат.

Имя этого соседа, врача на пенсии, показалось им столь диковинным, что они не смогли запомнить его с первого раза. Четверо его детей жили в разных уголках страны: кто-то в браке, кто-то развелся, а двое не успели

обзавестись собственной семьей. На их улице он отнюдь не единственный доктор, который ушел на покой или вот-вот собирается это сделать. Кроме него, еще четверо или пятеро из тех, с кем общалась Назия: кто анестезиолог, кто хирург, кто педиатр. Разумеется, ей хватало такта не говорить о собственном здоровье и не упоминать, что ее брат Руми вот уже двадцать лет служит в Бомбее санитарным врачом и врачом общей практики. Шариф общался с соседями, даже с самыми близкими, с гораздо меньшей охотой, но всегда с любопытством слушал все, что рассказывали его жене. Она частенько останавливалась, чтобы полюбоваться весенним пробуждением жизни в палисадниках домов 124 и 126, а также, кажется, 139 — с табличкой «Инвернесс-лодж» на одном из воротных столбов. Розово-белое буйство яблоневого и вишневого цвета Назия находила отличным предлогом, чтобы представиться. Вскоре она уже рассказывала собеседнику о фруктовых деревьях в саду своего свекра в Данмонди. Но сад давно продан, на этом месте вырос многоквартирный дом, а от фруктовых деревьев остались лишь ее воспоминания. Интересно, как теперь выглядит Данмонди. И вообще Дакка.

3

В саду Аиша и близнецы обсуждали с соседом, врачом на пенсии, одно из деревьев. У него были темные глянцевиные листья, а в последние недели близнецы обнаружили, что оно начало плодоносить. Теперь среди листьев виднелись кисти плотных желтых плодов размером с финик, со складкой, похожей на пупок, снизу; мякоть только-только начала созревать. Дерево, чуть выше двух метров в высоту, подпиралось решетчатой оградой. Должно быть, их сад хранил еще больше сюрпризов и тайн: то, что казалось запущенными лианами, вдруг выпускало

бутоны, цвело и вполне могло в один прекрасный день начать плодоносить. Загадка, да и только. Аиша до сих пор обошла не весь сад.

— Не знаю, съедобны ли они.— Девушка разговаривала вполне дружелюбно. Мальчишки же старательно изображали вежливость: руки сложены за спиной, головы наклонены набок — так у них было заведено перед тем, как высмеять жертву.— Может быть, это декоративное растение.

— Вполне,— ответил всем троим с лестницы сосед, обрезая яблоневые ветки, дерзнувшие перелезть через забор.— Их можно есть. Они, правда, созревают не каждый год. Вспоминаю жаркое лето семьдесят шестого. Фрукты появились рано и поспевали все лето. Вот нынешние вполовину меньше тех, что были тогда. Но вам повезло.

— Я никогда не видел такого дерева,— признался Омит, а его брат-близнец Раджа высказал дурацкое предположение, что это манго.

Они родились в 1976 году в Северной центральной больнице недалеко от этого дома, а манговое дерево видели всего дюжину раз в жизни. И не в той стране, в которой родились.

— Нет,— мягко поправил доктор,— не думаю, что в Йоркшире можно вырастить манго. Это называется локва. А некоторые зовут ее мушмулой, мушмулой японской. Есть мушмула германская, она не такая. Надо дожидаться, когда она полностью поспеет и начнет гнить. Только тогда ее можно есть. А эти почти как кумкваты, только кожура куда тоньше.

Потянувшись через забор и рискуя сорваться с лестницы, сосед с легкостью сорвал один из плодов. Они думали, что он его съест, но доктор быстрым отточенным движением бросил фрукт прямоком Радже. Тот не поймал, поднял с земли, с исследовательской тщательностью